

СЕРГЕЙ МАКОВЕЦКИЙ:

Культура — 2003 — 30 окт. — 5 нояб. — с. 12

Вчера так гениально сыграли. Зачем сегодня опять?

Ему как нельзя более подходит определение "лицедей". Востребованный лучшими режиссерами от Мирзоева и Гинкаса до Балабанова и Муратовой, он сумел создать образ своего издерганного и рефлексующего поколения. Но вместе с тем он самозабвенно играет классику ("Амфитрион", "Двенадцатая ночь", "Отелло", "Черный монах", "Чайка"). Вдохновенно исследует типологию злодейства ("Про уроков и людей", "Три истории", "Русский бунт"). Пытается постичь природу гения ("Скрипка Ротшильда") и простого человека "из народа" ("Ты да я, да мы с тобой"). Кажется, у него начисто отсутствует страх перед материалом, а любая роль дается без особенных усилий: при всей невероятной загруженности Сергей МАКОВЕЦКИЙ оставляет ощущение человека внутренне абсолютно безмятежного...

— Но ведь так не бывает. Людям вообще, а актерам особенно, свойственно сомневаться, задумываться о будущем, время от времени впадать в депрессию, переживать пресловутый кризис среднего возраста, в конце концов.

— Кризис среднего возраста мне Мальволио помог преодолеть. Когда Владимир Мирзоев задумал поставить в Театре имени Станиславского "Двенадцатую ночь" и предложил мне сыграть Мальволио, я перечитал пьесу и совершенно не вдохновился: очень скучная вещь, смеяться там не над чем. Может быть, кто-то, читая пьесу, и улыбаются над шутками сэра Тоби, а мне было не смешно. Парадокс в другом: когда ты начинаешь их произносить, в зале хохочут, как сумасшедшие. Но это уже потом. Для этого нужно найти ту интонацию, с которой ты будешь обращаться с текстом. А искать не хотелось. И вообще ничего не хотелось. Я слонялся по дому и нудел: новый коллектив, зачем мне это надо, может, не ходить на репетицию, позвонить и соврать: "Неважно себя чувствую"... Пока на одной из репетиций вдруг что-то не произошло. Как щелкнуло. Персонаж стал выстраиваться, стал меня завораживать, будоражить. Я поймал себя на том, что, придя домой, рассказываю, что мы сегодня придумали. А моя жена знает, что как только я прихожу и рассказываю — значит все, процесс пошел.

Думаю, что вот это мое нежелание репетировать, какая-то... не тоска, нет, но желание слинять... Очень хорошо, что я не поддавался этому чувству! Может быть, это и был тот самый "кризис среднего возраста"? Я это назвал критическим моментом усталости.

— Усталости от профессии, от игры?

— Нет, хороший спектакль я хочу играть всегда. Я могу пошутить перед "Черным монахом". "Вчера так гениально сыграли. Зачем сегодня опять?" Но это только шутка. Это я немного кокетничаю...

— Вы актер вахтанговской школы, в которой традиционно ценится яркая форма. Насколько для вас важен внешний рисунок роли в момент начала работы над ней?

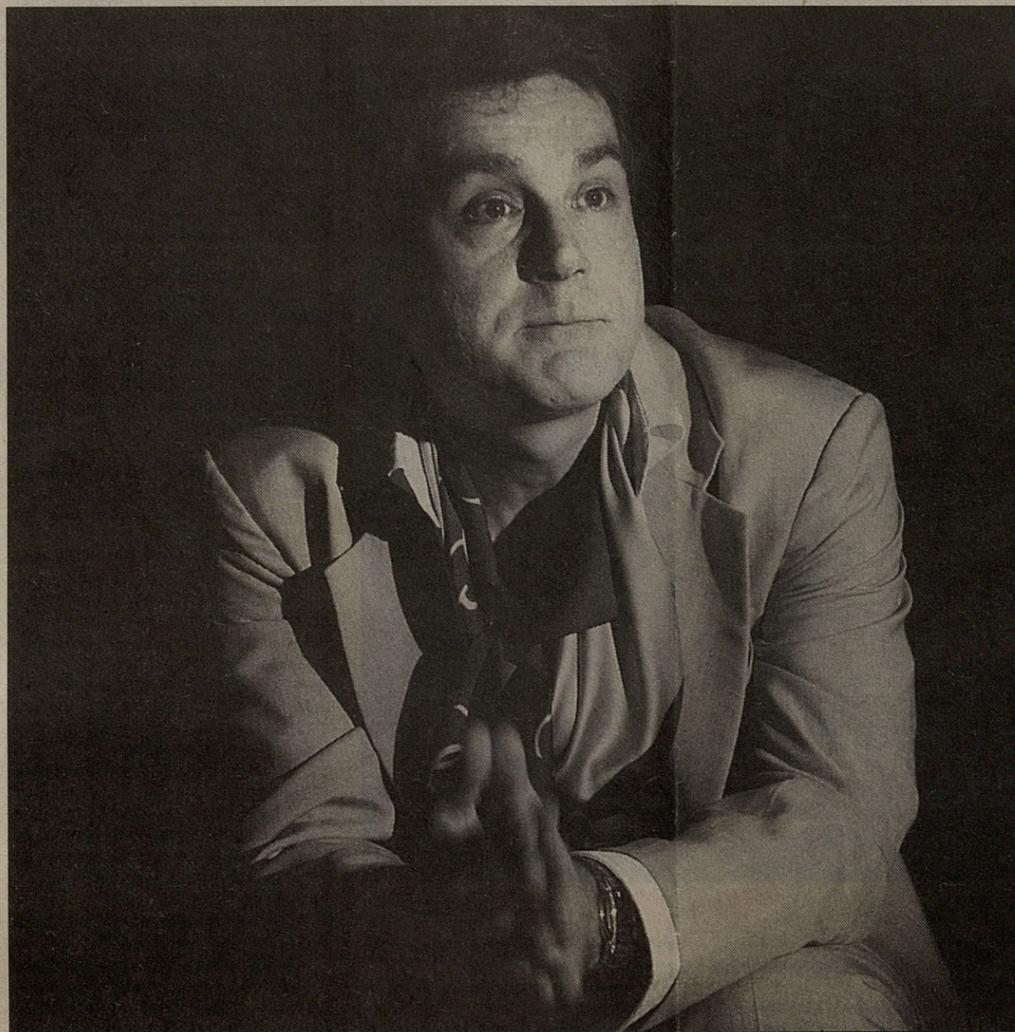
— Я очень люблю яркую форму. Но

здесь раз на раз не приходится. Иногда придумаешь та-а-акую походочку, а она не стыкуется с характером персонажа. У меня, например, есть одна походка, которую я всегда показываю знакомым, когда хочу улучшить им настроение. Но, играя Мальволио, я о ней даже не вспомнил. Но я же не мог о ней забыть! Значит, не в форме дело. Юная форма мне скучна. На театре ли, в кино ли. Откуда-то с верхотуры бросают горшки, камни, листья, а ты смотришь и думаешь: "Богоспиди, ну сколько еще?" Ага, последний упал. А что теперь? А теперь огонь пошел, ждешь, пока он закончится. А я не хочу ждать. Я хочу солереживать, плакать, смеяться, возторгаться. Все уже было, дорогие мои, все новые формы! Даже Чехов об этом уже написал. Треплев чем закончил? А все говорил о том, что как хорошо этому Тригорино, у него блестящий горлышко бутылки — вот тебе и лунная ночь.

— Вообще-то это называется мастерством.

— Иногда можно чуть-чуть изменить пластику, как-то по-особенному закуривать, например, — и этого будет достаточно. С другой стороны, когда все просчитано, словно на компьютере... Дастиг Хосфман блестяще работает в фильме "Человек дождя". Но я все время вижу, как он это делает. Может быть, другие не видят. Но я, как актер, понимаю, как он существует в каждый момент. Это такой мастер-класс. А когда работает Джек Николсон, у меня мороз по коже. В "Сиянии" есть длинный эпизод, когда он просто сидит за баранкой и смотрит на дорогу, а от экрана невозможно оторваться. Или Микки Рурк. Говорят, он параллельно снимался в фильмах "Девять с половиной недель" и "Алкаш". В одном фильме вы видите мачо, а в другом — олуштившегося, обрызганного бродяжкой. Эти словосыбы, этот живот, даже, по-моему, красный нос... Ну да, есть фокусы, конечно. Но когда я вижу Раневскую, могу опоздать на репетицию. Сколько раз смотрел: "Ше вы ховорите?" — а для меня это по-прежнему фантастика. Это даже не момент перевоплощения, это магия невероятной личности. И таланта.

— При том, что в театре гораздо легче "обмануть" зрителя, чем в

С.Маковецкий

кино. Экран не признает условности, актер должен существовать, грубо говоря, в режиме реального времени, и здесь совершенно иные требования к органике.

— Да, в театре легче "обмануть". Но все равно есть термин "сущностный актер". Это очень хороший термин.

— Известно, что вы один из самых высокооплачиваемых отечественных киноактеров. Однако в дебютной короткометражке Александра Велединского "Ты да я, да мы с тобой" снимались бесплатно. Что вас так привлекло в сценарии? Известно ведь, что "короткий метр" прокатной судьбы не имеет, стало быть, широкий зритель картину никогда не увидит.

— Скажу честно: толчком, после которого я сказал, что очень хочу сыграть роль Василия, стала встреча с моим двоюродным братом. Он сельский труженик, механик широкого профиля. Я приехал к нему в деревню на побывку, и мы стояли с местными ребятами: они задавали вопро-

сы, я что-то рассказывал... И вдруг мой брат говорит: "Представляешь, а я нигде не был и, наверное, нигде уже не буду". И эта его фраза меня так зацепила.

— Это не значит, что я играл своего брата, он немножко другой. И к моему образу жизни, как вы понимаете, герой картины тоже не имеет никакого отношения. Так же, как и к вашему. Но когда я еду на творческие встречи, всегда показываю "Ты да я, да мы с тобой". С одной стороны, в фильме много грусти и одиночества, да. Но нет безнадеги. Есть сочувствие и любовь.

— С ролью Василия более-менее понятно: внешние пластические фенечки вы подсмотрели "на побывке" в деревне. А чем вдохновлялись, вживаясь в роль Дмитрия Шостаковича?

— Фотографиями. И в фильме Эдгара Козаринки "Скрипка Ротшильда" и в спектакле Романа Виктюка "Уроки мастера". На фотографиях Дмитрий Дмитриевич абсолютно е-

стественен. Моя любимая та, где он смотрит футбол. Сидит с портфельчиком и улыбается... В "Скрипке Ротшильда" была сцена, когда Шостакович выходит из трамвая, а рядом мальчишки играют в футбол. Я предложил Эдгару: "Пусть они посильнее ударят мяч прикатится ко мне — и я им дам пас". Он отказался: "Боюсь, это будет комический момент". Я не стал настаивать, думаю, ну, может, он прав, а чуть позже встретился с человеком, который лично знал Дмитрия Дмитриевича: "Его слабость был футбол. Он даже писал статьи о футболе, но стеснялся этого". Как я тогда расстроился! Ну почему же я не настоял?! Потому что не был уверен, потому что не знал, я бы обязательно знание этой детали использовал... А так, да, фотографии. Ты держишь в уме фотографию — и волевым усилием себя, живого, в эту фотографию втискиваешь. Тело начинает откликаться на этот образ, становятся другими руки, глаза... Поэтому все кричали: "Боже мой, как он похож!"

Конечно, я не похож. Но это была внутренняя похожесть.

— Сегодня мы переживаем бум телесериалов, однако вы ни в одном из них, кроме "Неудачи Пуаро", не задействованы. Это принципиальная позиция?

— Принципиальная. Сюжет, который можно уместить в полторы серии, размазан, как каша по тарелочке. Одна ложечка на всю площадь тарелки, чтобы нам казалось, будто это большая порция. Меня все время пытаются убедить, что это издержки сериала, а я упорно твержу, что издержки заключаются только в одном: надо очень быстро снимать. В большом кино есть возможность какого-то эксперимента, проб, вариантов. В сериале тебе дают восемь дней на серию, потому что он уже вписан в сетку вещания и уже запущена реклама. Но при этом никто не дает себе труда подготовиться драматургически. Я не встречал ни одного сериала, в котором бы мне хотелось принять участие. Хотя я прекрасно понимаю, что сериал — это популярность. Я же еду на фестивали, вижу, как встречают актеров, которых постоянно показывают по всем телеканалам. Да, это популярность и стабильная зарплата. Но, понимаете, если кто-нибудь захочет снять "Доктора Живаго", я обрадуюсь. Вот эту историю трудно рассказать в двух-трех сериях. Но, к сожалению, пока о таком можно только мечтать.

— Чем вас заманили в сериал "Неудача Пуаро"?

— Материалом. Мадам Агата Кристи предложила фантастический ход. Она ударила всех под дых и так разозлила гусей, что ее едва не исключили из клуба писателей-детективщиков. Она же сделала убийцей человека, который не просто искренне помогает в расследовании, но пишет об этом роман: а писатель — доверенное лицо читателя! Когда я читал роман, то лишь в одном месте, когда Шеллард произносит свой монолог о маленьком человеке, подумал: "Неужели?! Да нет, не может быть!" И когда дошел до места: "Так это вы, доктор Шеллард?" — у меня был легкий шок. Ну я всех предполагал, но только не Шелларда! И когда такой невероятный сложный характер тебе предлагает режиссер, которого ты любишь (а с Сергеем Урусуляком я работал на двух картинах — "Летние люди" и "Сочинение ко Дню Победы"), нужно быть полным идиотом, чтобы отказаться.

— Кстати, вскоре после съемок я увидел "Убийство Роджера Экройда" с Дэвидом Суше. Полтора часовой фильм превратил прелестный детектив Агаты Кристи в плоское и примитивное расследование. Мы тоже могли бы сократить все рассуждения, сделать такую "выжимку" из романа. Но кому это нужно?

— Существует мнение, что актер театра и актер кино — кардиналь-

но разные ипостаси одной профессии. Алла Демидова и вовсе утверждает, что это не одна, а две разные профессии. А вы как считаете?

— Скорее, это разная степень тебя самого. Я долго не мог понять, что это такое — "играет по-театральному". Потом посмотрел передачу о Павле Луспекаеве, где показывали его кинопробы. Можно так играть в театре? Можно. Но ведь на него было интересно смотреть и в кино. Может быть, все дело в нюансах? В театре можно играть более откровенно и открыто. В кино требуется та же степень выразительности, но, скажем так, в другой пропорции.

— Но, согласитесь, есть актеры, которые хороши в театре и совершенно не смотрятся в кино. И наоборот.

— Я коллег не обсуждаю. Может быть, вы правы. Иногда киноактерам бывает безумно сложно играть в спектаклях. Они играют "кусочками"...

— Вы могли бы отказаться от театра?

— Нет, никогда. А зачем? Это ведь такое удовольствие — театр!

— Но не приносит денег.

— Иногда удовольствие дороже денег.

— А от кино вы могли бы отказаться?

— Я отказываюсь, если роль не нравится. Но и в театре могу отказаться от роли, которая либо опоздала, как мне кажется, либо что-то похожее я уже сыграл: ну где вы были три года назад с таким замечательным предложением?! Я отказался, например, от роли Голхостова в спектакле "За двумя зайцами", который идет у нас в Театре имени Вахтангова. Потом, может быть, пожалел. Когда посмотрел. Но на тот момент мы с режиссером никак друг друга не вдохновили.

Поймите меня правильно, я никогда не занимался выстраиванием карьеры и не просчитывал, что вот эта роль — таки да, сыграю ее и проснусь знаменитым. Все происходит совсем иначе. Бывает, натыкаешься на одну малюсенькую сценку, но понимаешь: ради этой сцены ты готов на все. Потому что все равно существует этот свербящий вопрос: что делать, чем удивлять? Ты пробовал себя таким, другим, в водевиле, в трагедии. Что дальше? Читаешь сценарий — и вдруг находишь ответ. В крошечном эпизоде поведение героя захватывает тебя настолько, что ты понимаешь — эта сцена стала твоим добрым ангелом. В эту секунду, в этот момент. Пройдет время — и, возможно, будет совсем другая реакция. Но это уже неважно.

— Вы все еще волнуетесь перед спектаклем?

— Да. Особенно, когда мы приезжаем куда-нибудь в провинцию, где ни разу не были. Поскольку зрители видят меня в первый раз,

я хочу оставить о себе доброе воспоминание.

Я чувствую зал и умею с ним ладить. Но это все равно поединок. Бывали очень трудные залы, на той же "Двенадцатой ночи". Помню, мы играли 31 декабря. Я появляюсь на сцене не сразу, поэтому обычно заканчиваю грим и слушаю спектакль по радио. Первая сцена — тишина. Вторая сцена — тишина. Я не могу понять, есть кто в зале или нет?.. Выхожу, смотрю на публику: сидят безумно уставшие люди. А я-то думал, что уж 31-го такая открытость и готовность радоваться!.. Это был очень сложный спектакль. Их нужно было заставить смотреть. Пришлось даже жертвовать какими-то своими гэгями — для того, чтобы ритм не упал, потому что партнеры — молодые ребята — растерялись: накануне был олушительный, невероятный успех — и вдруг мертвая тишина...

— Вы произнесли слово "поединок". Но поединок всегда предполагает оппонента, а оппонент может принимать разные облики, вплоть до образа врага. Врага же принято ненавидеть...

— Нет, я к публике очень хорошо отношусь. Людей, которые приходят в театр, можно только любить. Естественно, иногда они тебя раздражают. Но ненавидеть... А кем ты тогда будешь на сцене? Змеим борыничем, изрыгающим огонь, желчь и яд? Тогда сиди дома.

— Сергей, кажется, я поняла, кого вы мне напоминаете. Мягкий, пушистый, независимый, гуляющий сам по себе... Классический кот! Неудивительно, что вы так привязаны к своему Мусику — вы же так похожи!.. Это правда, что однажды вы не пустили к себе в дом журналиста только потому, что он мурно отозвался о вашем коте?

— Почему? Он пришел ко мне. Открылась дверь, и вошел незнакомый человек. Мусик, естественно, вышел поинтересоваться, кто это. На что я услышал: "Ой, ни котов, ни собак вообще не переноси!". Жена молча подала нам чай и ушла. А я... Понимаю, я не устраивал ему обструкции. Мы начали беседовать, но на все его вопросы я мог отвечать только "да" или "нет". Просто по-другому у меня не строилась речь — это была моя такая реакция. Если ты не переносишь котов и собак, кого ты любишь тогда?.. Я честно старался отвечать на его вопросы, но у меня ничего не получалось. Он замаялся: "Как-то у нас интервью не строится, может быть, в следующий раз?" Я говорю: "Давайте!" Следующего раза не было.

Беседу вела Вера ЗВЕЗДОВА

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ